

А
Н. Валентинов

Брюсов и Эллис

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993.

OCR Ловецкая Т. Ю.

По словам А. Белого, я (Валентинов) "живо относился к нему и Брюсову" и благодаря мне, моим усилиям и наладилась связь между "Весами" и "Столичным утром", так что литературный материал газете поставляли сотрудники "Весов".

В редакции "Весов" я бывал неоднократно и, возможно, некоторые статьи сотрудников журнала, по их просьбе, однажды или дважды передал в "Столичное утро". Это совсем не то, что пишет Белый. Он мне приписывает роль, которой я не играл. Мне приходилось встречаться с Сергеем Соловьевым, Балтрушайтисом, Ликиардопуло¹ и другими сотрудниками "Весов", но, за исключением встреч с Сергеем Соловьевым, остальные были настолько мимолетны, что от них почти ничего в памяти не осталось. Из всего состава "Весов" кроме Белого я, в сущности, хорошо знал только Брюсова и Эллиса (Л. Л. Кобылинского). Но, в отличие от Белого и Эллиса, о которых есть что сказать, о Брюсове почти все уже сказано другими. Поэтому, за исключением некоторых штрихов и, кажется, теперь уже никому не известной истории его поэмы "Последний день", особо важного о нем сказать не могу. Но для меня знакомство с Брюсовым, между прочим, тем было интересно, что навзначь опрокинуло представление о нем, когда-то возникшее под впечатлением критики его первых стихов Влад. Соловьевым. На этом, может быть, и останавливаться не следовало бы, но я все же хочу это сделать. Ведь в "вольных" записках меня никто не останавливает...

Одна из моих сестер, несомненно, обладала стихотворческим даром (ныне, на старости и "офранцузившись", его потеряла). Учителями ее в этом деле, кому она подражала, были, насколько помнится, Апухтин и, уже наверное, Надсон. В шестом классе реального училища учитель словесности Штандель однажды предложил нам попробовать стихами изложить некоторые места из "Слова о полку Игореве". Я взял плач Ярославны, и за в большом поте сотворенную композицию Штандель меня похвалил, а когда я мое "творение" показал сестре, та пожала плечами: это совсем убого, все рифмы глагольные. Неглагольные и самые сложные рифмы ей давались с поразительной легкостью, и чуть ли не после каждой прогулки в березовой аллее Подъема (имение наших родителей в Тамбовской губернии) у нее появлялось новое стихотворение. Стихи ее нигде не печатались; в отличие от множества стихоплетов, она о том никогда не думала, писала только для себя, редко кому показывая написанное. Сосед по имению -- студент военно-медицинской академии в Петербурге Федя Тавилдаров (сын профессора Технологического института), узнав о поэтических упражнениях сестры, ей в поучение привез только что появившуюся в печати в "Вестнике Европы" (в 1895 году) критику Вл. Соловьевым символистической поэзии. Предметом критики был сборник первых стихов Брюсова, вышедший в 1894 году под заголовком "Chefs d'oeuvre", заключавший в себе знаменитое стихотворение, состоящее из одной строки: "О закрой свои бледные ноги". Соловьев беспощадно высмеивал "шедевры" Брюсова. О его "влюбленных наядах", загражденных "ревнивыми досками", Соловьев писал: "Увлекаемый "полетом фантазии", автор засматривался в дощатые купальни, где купались лица женского пола, которых он называет "феями" и "наядами".

Цитируя Брюсова:

Непонятные вазы

Огнем озаря,

Застыла заря

Над полетом фантазий,--

Соловьев упрекает молодого человека за бесстыдное подглядывание купальщиц и объясняет, что то, что именуется на символистском языке "непонятными вазами", в просторечьи называется шайками и употребляется в купальнях "для омовения ног". Разобрав и ряд других стихотворений, Соловьев вынес следующий приговор: "Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет (Брюсову тогда был 21 год.-- Н. В.), то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды неуместны".